

²² См.: Гуревич А. Я. Средневековый купец. С. 105.

²³ Там же. С. 120.

²⁴ Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. С. 325.

²⁵ Мосс М. Об одной категории человеческого духа: понятие личности, понятие «я» // Мосс М. Общества. Обмен. Личность: Тр. по социал. антропологии. М., 1996. С. 288.

²⁶ Там же. С. 288.

²⁷ См.: Гуревич А. Я. Культура безмолвствующего большинства. М., 1990. С. 201.

²⁸ Библер В. С. Образ простеца и идея личности в культуре Средних веков // Человек и культура: Индивидуальность в истории культуры. М., 1990. С. 122.

Рукопись поступила в редакцию 29 декабря 2006 г.

А. П. Овчинникова
А. Ю. Цофнас

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ДИАЛОГИ НА ФОНЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Виртуальный форум

В обсуждении методологических проблем анализа процессов глобализации на форуме принимают участие разные люди. Мы сгруппировали некоторые мнения под именами, характеризующими, как нам кажется, концептуальные ориентиры участников разговора, и снабдили некоторые суждения ссылками и примечаниями. Вся ответственность за приводимые ниже суждения лежит, таким образом, на тех, кто их высказывает, а не на авторах данной публикации. Ведь, кажется, именно на этом настаивал Ф. Бэкон: кто хочет владеть разговором в обществе, тот должен пресытиться собой и таким образом уменьшить свою цену.

Социолог: Без риска сильно ошибиться я утверждаю, что едва ли не основной глобальной проблемой современности является дефицит взаимопонимания в сферах мировой политики, экономических идей, искусства, аксиологии, религии, нравственности, т. е. почти во всех областях культуры. Без решения этой проблемы нельзя надеяться на решение и других глобальных проблем. На полюсах взаимного непонимания сегодня более всего заметны радикальные глобалисты и антиглобалисты. Диалог между ними напоминает мне разговор глухих. А выдвигаемые с обеих сторон аргументы таковы, что со стороны кажется, будто правы и те и другие. Может быть, стоило бы здесь, на форуме, изложить основные «про» и «contra», чтобы дать возможность ознакомиться с характером аргументации более широкой публике, ведь это касается всех; все заинтересованы в том, чтобы перекинуть хотя бы шаткий мосток через глубокую пропасть между гласностью и слышимостью. Учитывая общий интерес к этим вопросам, желательно было бы избежать подробных экономических и геопо-

литических выкладок — ими-то как раз переполнены специальные журналы и даже СМИ.

Глобалист. А нужны ли аргументы в пользу необходимости включения в процессы глобализации? Глобализация — это не то, что мы можем принять или не принять по своему желанию, не предмет сознательного выбора, а историческая необходимость. Совершенно очевидно, что под напором развития телевидения и Интернета, иных средств коммуникации все более свободное перемещение информации, капиталов, услуг, культурных и научных идей постепенно превращают в анахронизм национальные границы. Если они, эти границы, еще за счет чего-то и держатся, то только благодаря исторически сложившимся традициям национальной обособленности и неравномерности в развитии отдельных стран и регионов. Поэтому так называемые «глобалисты» — это не те, у кого есть «проект» счастливого будущего, который надо было бы планомерно внедрять и кому-то доказывать его преимущества, а те, кто не хочет мешать истории идти своим чередом и даже готов ей в этом способствовать. «Осознанная необходимость», так сказать.

Замечу вместе с тем, что не существует никакой единой когорты «глобалистов», вступивших в этот свой «всемирный заговор» и способных привести в исполнение свой приговор. Все мы рассматриваем очередные задачи глобализации с самых разных позиций, интересы у нас весьма разные. Однако все же есть, пожалуй, один-два тезиса, которые способны нас объединить. Глобалисты, независимо от того, каковы их подлинные интересы, манифестируют, что справиться с многочисленными общечеловеческими бедами — от поддержания в состоянии динамического равновесия климата планеты до борьбы с международным терроризмом — можно не на локальном уровне, но только во всемирном масштабе. А нынешнее состояние экономики и средств массовой коммуникации таково, что позволяет, наконец, поставить на повестку дня вопрос о реализации кантовского проекта всеобщего мира в той его части, которая касается создания (в перспективе) конфедерации государств Земли во главе с подобием общего правительства. Только оно было бы способно не только эффективно решать многочисленные экологические и социальные проблемы, покончить с гонкой вооружений, рационально распоряжаться ресурсами Земли, но и приблизить человечество к осознанию своей целостности.

Историк. Хочу напомнить, что традиция жизни строго по национальным квартирам, во всяком случае в Европе, по историческим меркам не очень давняя — всего-то 350 лет, начиная с Вестфальского мира. Еще моложе принцип нерушимости государственных границ, признаваемый международным правом.

Хотя это и не артикулируется, глобалисты принимают идею именно линейной концепции истории. Прогресс в направлении все большей целостности человечества, полагают они, носит такой же объективный характер, а потому тенденция к глобализации — закон истории. Глобализация

неотвратима. Тем самым принимается и критерий прогресса в виде закона неуклонной модернизации, якобы обязательной для всех. Если это принять, то, по классификации В. Г. Федотовой¹, нынешние государства очевидным образом распадаются на пять типов. Во-первых, это так называемый (негеографический) «Запад». Во-вторых, страны, которые встали на путь догоняющей (увы, кажется, без реальной надежды догнать!) модернизации. В-третьих, страны, принимающие сугубо национальный проект модернизации (в их ряды, кажется, теперь направляется и Россия). В-четвертых, страны «третьего мира», для которых программа модернизации менее актуальна, чем просто улучшение качества жизни любой ценой. И наконец, в-пятых, архаические общества, озабоченные сохранением существующих форм жизни. Хотя глобалисты и антиглобалисты, пожалуй, найдутся в странах любого типа, но только в четвертом и пятом случаях глобализация рассматривается как смертельная угроза национальным, религиозным и иным традиционным ценностям. А наиболее активными игроками за и против глобализации на сегодняшний день выступают страны первого и четвертого типов.

Антиглобалист. Уж кто-кто, а историк знает, что модели исторического развития совсем не обязательно надо строить по линейному принципу. История не давала обязательств развиваться линейно, она никому и ничего не должна. Разве прежние цивилизации рано или поздно не сталкивались с катастрофами и разве не приходилось потом начинать почти все сызнова? Любому непредвзятому наблюдателю сегодня ясно, что мы как раз и стоим на пороге такой катастрофы. С той только разницей, что если раньше катастрофы касались лишь какой-либо одной цивилизации в одном отдельно взятом регионе, то теперь хотят поместить всех нас на один корабль — вместе с теми, кто утонет наверняка.

А кто же там, на капитанском мостике? Западные демократии, провозгласившие необходимость публично контролируемой власти, странным образом породили свою противоположность — власть непубличную. Ключевые проблемы человечества сегодня решаются не президентами, не парламентами и не теряющей свой авторитет Организацией Объединенных Наций. Они решаются на высокогорных лыжных трассах мало кому известными и уж, конечно, никем не избираемыми людьми, которые скромно претендуют на то, что именно они подлинные хозяева Земли. Где гарантия того, что если будет формироваться нечто подобное Всемирному правительству, то дергать за ниточки марионеточных правителей федерации не станут все те же, не ищущие популярности, хозяева крупнейших банков и транснациональных корпораций — олигархи современного человечества? Глобалист почему-то не желает говорить об интересах, а разве не это самое главное? Ведь очевидно, что на ускорении процессов глобализации настаивают богатые страны. Не потому ли, что глобализация превращает бедных в еще более бедных — как относительно, так и абсолютно?!

Системолог. Разрешите вставить реплику? Глобализация не просто несет угрозу национальным и религиозным ценностям. Если посмотреть на все происходящее шире, с общесистемной точки зрения, то Антиглобалист мог бы привести и еще один важный аргумент в свою пользу. Совершенно очевидным образом в сегодняшнем мире происходят унификация по всем линиям, рост гомогенности человеческой цивилизации, однородности ее культурных проявлений. Но если это верно, тогда глобализация — свидетельство вовсе не прогресса, а, напротив, признак вырождения. Со времен Г. Спенсера считается установленным, что, в отличие от природы, которая, несмотря на возможность возникновения порядка из хаоса благодаря синергетическим процессам, в целом все же характеризуется ростом энтропии, человечество до сих пор вроде бы, напротив, эволюционировало в сторону роста разнообразия, гетерогенности и усложнения своей организации. Теперь же наблюдается обратное. Однако ведь хорошо известно, что любые гомогенные системы не жизнеспособны. Если же глобализация развернула общество в обратном направлении, то речь надо вести не просто о том, что, в силу инерции и консерватизма, разным странам трудно расстаться со своими национально-политическими особенностями, экономическим и культурным протекционизмом, религиозными традициями и проч., но о том, что на повестке дня стоит вопрос о самосохранении человечества.

Диалектик. Вот-вот, системщикам наконец-то пора осознать, что каждое явление порождает свою противоположность, что без диалектики не построить никакой правдоподобной модели социального развития. Но я призываю всех сохранять философское спокойствие. Прав и Глобалист, и Антиглобалист, и в то же время, оба не правы. Просто мы имеем дело с типичным диалектическим противоречием: человечество находится в поисках не выбора одной из концепций, а приемлемого *синтеза* противостоящих друг другу *тезиса* глобализма и *антитезиса* антиглобализма. Это противоречие никем не придумано, оно задано объективно. Нам остается лишь констатировать, что как раз оно и является источником социального развития на данном этапе. Результатом борьбы этих противоположностей, после периода постепенного количественного изменения, окажется некий «скачок» — переход общества в новое качественное состояние, который Антиглобалистом воспринимается как грядущая катастрофа. История движется и не линейно, и не циклически, а по диалектической спирали — и непрерывно, и дискретно. Я бы рискнул высказать предположение, что движение по схеме «Тезис — Антитезис — Синтез» на этапе Синтеза приведет к повторению ряда существенных черт Тезиса (знаменитый «возврат якобы к старому»). Иначе говоря, нас все-таки ожидает единение человечества, но в какой-то иной форме, чем это предусматривает Глобалист. В какой именно? Это можно прояснить через поиск рациональных аспектов в позициях Глобалиста и Антиглобалиста. Полагаю, надо искать возможности для обеспечения необходимого разнообразия в будущей общечеловеческой цивилизации,

которая наконец-то осознает себя как носителя планетарного Разума и тем знаменует победу ноосферного этапа развития планеты.

Гуманист. Метафизические соображения Диалектика замечательны тем, что, похоже, отсылают нас в школу стоиков. Эти рассуждения, может быть, и в самом деле способны привести к успокоению в душу философски мыслящего человека. Но... вот беда: от них веет вселенским равнодушием к судьбе людей, втянутых в современный исторический процесс. Философ как бы говорит, что все вы, живущие в Европе или в Африке, в христианском или мусульманском мирах, при либеральном или тоталитарном режимах, имеющие любимую работу или не имеющие даже хлеба насущного, все вы — только дрова для топки Истории. Все равно История распорядится вашей судьбой так, как ей заблагорассудится, и когда-то выбросит, наконец, вас или ваших потомков на новый виток спирали. Диалектик, прошу прощения, здесь сродни глобалисту, поскольку тоже полагает, что свобода наша — в осознании этой исторической необходимости. Между прочим, против этой позиции можно выставить как раз соображение одного известного любителя гегелевской диалектики, а именно 11-й тезис Маркса из «Тезисов о Фейербахе». Какое-то объяснение (а в более точном переводе — *понимание*) событий здесь, конечно, имеется, но нет ответа на вопрос о том, как надо *жить* конкретным людям в сложившейся ситуации, как им распорядиться их единственной жизнью, которая, увы, пришлось на «эпоху перемен». Традиционный вопрос «что делать?» остается, увы, без ответа.

Искусствовед. Гуманист прав. Не зря ведь говорят, что если хочешь перевести какой-то вопрос в разряд вечных, а значит нерешаемых, то призови на помощь философов. Разве философия и выросшая из нее социология решили хотя бы один из ими же поставленных вопросов? А между тем первой всегда откликается на любые гуманитарные запросы вовсе не наука, пусть даже социология, и не философия, а искусство — не случайно оно возникло раньше философии. Что же до предмета обсуждения, то теперь только ультралибералы не говорят, что конструктивное решение любых проблем в духе согласия может быть достигнуто лишь за столом переговоров. Но как, в каких формах вести конструктивный диалог? Именно из художественной литературы приходит ответ — в режиме не гегелевской, не марксистской и даже не сократовской «диалектики», а в духе жизненной практики.

Семантик. Разве Сократ строил свои беседы, не исходя из «жизненной практики» — по смыслу греческого *dialektikē technē*, искусства ведения беседы? Если даже это искусство интерпретировать в духе Ницше («Воля к власти») — как желание непременно одержать победу в споре, то и в этом случае предполагался метод получения общего знания, например, знания о том, что такое «добро», «прекрасное», «справедливость» и т. д. Следуя сократовской диалектике, при ответе на вопрос, что такое «глобализация», мы должны были бы начать с прагматики языка, анализа значений употреб-

ления слова в частных случаях, а затем постепенно подниматься к обобщениям — от единичного случая к видовым и, наконец, к родовым значениям, которые могут служить определением понятия. Иногда это называют методом рациональной индукции, поскольку в процессе обобщения, как казалось Сократу, не было необходимости обращаться к опыту, а следовало только отвечать на целенаправленные вопросы — свои или собеседника, отыскивать и устранять неточности и противоречия в первоначальных суждениях о предмете. Знание, таким образом, оказывалось результатом рационального самоанализа — оно выглядело выводом из внутреннего диалога. Правда, Л. Витгенштейн («Философские исследования») показал, что не всегда такое обобщение возможно и необходимо, во многих случаях (даже в большинстве!) нам достаточно обнаружить «семейное сходство» в использовании слов, однако невозможно обойтись без языковой прагматики. А как же иначе мы поймем, что такое «глобализация» — ведь всякая реальность «за языком» может быть поставлена под вопрос.

Обэриут. Я долго думал об орлах
И понял многое:
Орлы летают в облаках,
Летают, никого не трогая,
Я понял, что живут орлы на скалах и в горах,
И дружат с водяными духами.
Я долго думал об орлах,
Но спутал, кажется, их с мухами.

Социолог. Привет Обэриуту, вспомнившему Д. Хармса! И в самом деле, мне кажется, я не так ставил вопрос. Проблема вовсе не в нашем неумении ответить на вопрос, что такое глобализация, а в том, как договориться людям с противоположным к ней отношением. Речь идет о том, как решать проблему взаимопонимания. Хотя, разумеется, на каждом шаге сократовского диалога требовалось согласие собеседников по поводу частных определений, общая цель все же была иной. И уж вовсе не предполагалось, что собеседники могут строить свои рассуждения на *несовместимых* основаниях, исходить из совершенно разных принципов. Сократ, кажется, вообще не стремился быть *толерантным* к исключаяющей его точку зрения позиции.

Методолог. Но разве можно о чем-нибудь договориться, не прояснив предмета спора? А если уж говорить о путях к взаимопониманию, то, конечно, Искусствовед прав, никакого иного средства, ведущего к толерантности в условиях противоречия, кроме «наведения культурных мостов» с помощью диалога, нет. Не случайно гуманитарно-мыслящие философы, наконец, повернулись лицом к анализу методологического смысла диалога (М. Бубер, М. Бахтин и др.). Предложено, в частности, рассматривать произвольный текст, даже научный, не просто с точки зрения того, что он непосредственно сообщает, а как деятельность конкретного человека, как

поступок, если угодно. Внимание сосредоточивается не столько на предмете диалога, как это предусматривалось Сократом, сколько на людях, ведущих беседу или спор, на их интенциях и ценностях. Объектом анализа становится сам диалог — автора с читателем, автора с иными авторами или с обществом, героев художественного произведения друг с другом, автора с представителями своей либо чуждой ему культурной среды. Тогда, с учетом ценностей участников диалога, в тексте обнаруживаются смыслы, которые не обязательно предполагались его автором изначально. Интерпретация текста, по Бахтину, всегда связана с отражением чужого отражения, а уж после этого можно обращаться и к отражаемому объекту.

Это положение напоминает методологическую идею В. А. Лефевра², позволяющую описывать отображение системы в другой системе, но Бахтин, в отличие от Лефевра, не принимал научной парадигмы понимания. Он хотел отказаться от объективированного и безликого классического «субъекта познания» — идеализации эпохи Просвещения — и ввести вместо него живого, конкретного, наделенного ценностями и ответственностью за свои решения человека. Ему казалось, что стоит ввести новый корпус понятий — в частности, таких, как «ответственно поступающий мыслью», «заинтересованное понимание», «правда» (вместо «истина»), «единая и единственная событийность бытия», «живая единственная историчность» и др., и «дуализм познания и жизни» будет преодолен. Вопрос лишь в том, как с помощью этих, весьма неопределенных понятий можно преодолеть дуализм концепций глобализма и антиглобализма.

Искусствовед. А я настаиваю на том, что антропоморфный поворот, характерный для множества философов — от Ницше, Дильтея, Хайдеггера, неокантианцев до философского постмодернизма, хотя и отдаляет философию от науки, но зато сближает ее с художественным мышлением. Слишком тесная связь философии с наукой существенно обедняет мировоззрение. Не наукой единой жив человек. Бахтин этот поворот от построения объективированных картин к рассмотрению интенционального отношения человека к его миру называл созданием уже не собственно философских, а дополнительных друг другу — «полуфилософских, полухудожественных концепций мира»³. Мировоззрение не может быть ни чисто философским, ни чисто художественным.

Физик. Прошу прощения, что вмешиваюсь в вашу дискуссию. Хочу заметить, что слово «дополнительность» применительно к «старому» и «новому» способам философствования гуманитариями употребляется нестрого, не так, как у Н. Бора, например, а как выражение расхожего требования рассматривать предмет с различных сторон, комплексно. Такое расширительное употребление слова и стремление включить «диалог» в метафизические рассуждения часто ведет к профанации. Ю. Бохеньский⁴ не зря писал, что ссылки на «диалог с Богом», на «диалог с Природой», на то, что человеческий труд является «диалогом», являются или метафорой, или суе-

верием, методологического смысла иметь не могут. А ведь вы, кажется, собираетесь найти общезначимые средства взаимопонимания. Если уж говорить о дополнительности, то надо бы еще обосновать, что научный и «диалогический» способы отношения к миру, с одной стороны, исключают, а с другой — предполагают друг друга, что каждый из них находит обоснование в своем дополнении.

Искусствовед. Физик, возможно, прав, но и он не станет спорить, что любое исследование начинается с описания поля фактов. Чтобы искать пути к взаимопониманию, надо бы прежде всего иметь образцы, примеры ведения продуктивного диалога. В этом смысле удобна литература — именно там мы находим примеры «наведения мостов». В драматическом диалоге чаще всего мы находим стремление собеседника подчинить оппонента своей воле. Если такой диалог успешен, то конец спора ставит собеседников в новые отношения. Марина Мнишек в пушкинском «Борисе Годунове» превращает Самозванца из человека, которого считают беглым монахом, в самоуверенного властителя. Тогда-то Марина и говорит: «Я слышу речь не мальчика, но мужа. С тобою, Князь, она мирит. Безумный твой порыв я забываю и вижу вновь Димитрия». Конфликт разрешается победой одной из сторон.

А вот другие примеры. В «Трехгрошовой опере» Б. Брехта конфликт разрешается сделкой: Шериф не может арестовать Мекки-Ножа, так как у Скотланд-Ярда нет достаточных улик. Дело заканчивается соглашением, сделкой, основанной на расчете. Общее основание найдено. «Так поступают все современные предприниматели», — заявляет Брехт. И герои пьесы Ж. Ануя «Жаворонок» обеспокоены поиском общей концептуальной базы, но уже на духовной основе. Жанна договаривается с королем Карлом о том, чтобы он поручил ей командование армией, они оба берут на себя совместную ответственность за судьбу Франции. Как они могли бы договориться, если бы один из них ставил себе целью исчезновение Франции с географической карты? А у того же Ануя в пьесе «Антигона» Креон как раз не находит общей основы для разговора с Антигоной. Она действует, подчиняясь своей нравственной установке, тогда как Креон печется о порядке в государстве. Максимум, чего им удастся достичь, это объяснить друг другу непримиримость личного и государственного интересов.

Непримиримость в конфликте находит у Ануя психологическое объяснение. Никогда, полагает он, не смогут договориться две «породы» людей: «Одна порода многочисленная, плодovitая, счастливая, податливая, как глина... они люди для жизни, люди на каждый день. И есть другая, благородная порода — герои. Те, кого легко представить себе бледными, распротертыми на земле, с кровавой раной у виска, они торжествуют лишь один миг — или окруженные почетным караулом, или между двумя жандармами...» («Эвридика»). Не напоминают ли эти «герои» антиглобалистов из числа террористов-смертников? Постмодернистская же литература, кажет-

ся, целиком держится на идее о том, что у людей имеются исключаяющие, а не дополняющие друг друга ценности, и нет путей к взаимопониманию. Автор умер, бытие абсурдно, а диалоги, по сути, являются монологами, разговором глухих.

Вот, пожалуй, и все схемы возможных конфликтов. Надо лишь отнести к какой-то из них нынешний спор глобалистов с антиглобалистами.

Физик. Может быть, мы и опишем типы конфликтов по основанию, выбранному Искусствоведом, да только художественная литература не дает ответа на вопрос (да и стоит ли от нее этого ожидать?) о стратегии и тактике согласования исключаяющих друг друга установок о том, как *выбраться* из конфликта.

Однако я хочу обратить ваше внимание на то, что проблема всеобщего дефицита взаимопонимания знает и счастливые исключения. К ним, пожалуй, относятся коммуникации в области научных исследований. Наука (по крайней мере, в смысле *science*, а не в смысле гуманитарных дисциплин) никогда не ориентировалась на этнические, национальные, классовые, религиозные или иные групповые интересы, а стало быть тяготела к «глобализму». Ее арсеналом всегда служили общезначимые средства — по возможности максимально четкие и однозначные дефиниции, формализованные языки, конвенции о более или менее ясно выраженных принципах различения знания и веры, науки и идеологии, науки и паранауки.

Не то чтобы наука не знала споров и дискуссий, как раз наоборот. Но она имеет средства удовлетворительного разрешения своих разногласий, рационального ведения диалога. Принципы установления того, что считать знанием в области физики или генетики, одинаковы и в Азии, и в Америке, и в Европе, и в Африке. Компьютеры и языки программирования одинаковы как для синтоистов, так и для мусульманских фундаменталистов, для буддистов, христиан и бахаистов, да и хакеры не имеют национальности. Но тогда, может быть, и ответа на вопрос о преодолении кризиса культуры, в том числе и культуры диалога, надо ждать не от искусства, а от какой-либо науки?

Конфликтолог. Почти как Ленин сто лет назад, я готов воскликнуть: «Есть такая наука!» В XX в., отвечая на запрос времени, появилась специальная научная дисциплина — конфликтология. Она прежде всего требует четкой фиксации объектов, относящихся к обсуждаемой реальности — вплоть до ясного определения того, что является предметом верований, если, например, речь идет о встрече разных культур. Описывается специфика конфликта на разных его фазах — латентной, демонстративной, агрессивной, батальной. Выдвигается требование анализа Я-концепций — представлений участников диалога о самих себе. Но конфликтология требует принятия участниками конфликта общих для них социальных норм и концепции справедливости, которые дают определенные права и накладывают одинаковые обязанности, а также правил разрешения конфликта. В последнем случае

конфликтология предлагает ряд методов разрешения конфликта, способствующих переходу от авторитарного поведения к демократическому, без чего невозможна минимизация конфликта.

Методолог. Да, бесспорно, конфликтология способна прояснить многое. Однако в той конфликтологии, которая сложилась к сегодняшнему дню, имеются две особенности. Во-первых, это отсутствие интереса к анализу конфликтов в условиях несовместимости позиций, т. е. в условиях отсутствия этого самого согласия по поводу социальных норм и понятия справедливости. Во-вторых, это перевод своей проблематики почти исключительно в психологическую и этическую плоскости. Решающий рецепт разрешения конфликтов находим у А. Т. Ишмуратова: «...представить своего лютого врага своим лучшим другом, находя в нем все наилучшее, что импонирует вам. Войдите в роль Христа, в роль того, кто подставляет свою левую щеку»⁵. Рекомендация прекрасна, но как ее реализовать в конфликте с политическим экстремистом или религиозным фундаменталистом? Какими средствами можно осуществить христианский завет в споре глобалистов и антиглобалистов? Онтологический аспект — а ведь именно он наиболее характерен для науки — конфликтологами фактически игнорируется.

Натуралист. Мне кажется, что онтологическую основу для рассмотрения конфликтных ситуаций можно было бы задать в том случае, если бы на первых этапах исследования предпринять попытку отказа, как это ни покажется странным, от того обстоятельства, которое больше всего бросается в глаза (и во имя чего, собственно говоря, была предпринята попытка методологического истолкования диалога), — отказа от анализа интенциональности участников конфликта. Первоначально ситуация должна предстать в таком виде, будто мы не просто беспристрастные судьи, но и будто бы вообще не умеем читать ни мыслей, ни эмоций, ни интеракций задействованных в конфликте людей. Когда вы изучаете муравейник, вы ведь выполняете завет Спинозы «Не плакать, не смеяться, а понимать», какие бы «несправедливости» вы там не обнаружили. Иначе говоря, до всякого антропологического анализа конфликт должен быть рассмотрен как некое *натуральное* явление, для которого характерно наличие противоборствующих сторон.

Системолог. Натуралист прав, когда обращает нас к фундаменту научного знания. *Ab ovo*, так сказать. В самом деле, любой конфликт имеет свой предмет, т. е. может быть зафиксирован по одному основанию, в одном каком-то смысле, а по другому основанию его может и не быть. Поэтому «натуральное» представление конфликта предполагает прежде всего если не анализ, то все же фиксацию этого основания, этого самого смысла (концепта). Затем мы переключаем внимание на структуру, на само конфликтное отношение, которое рассматриваем в уже определенном ранее смысле, «подводим под определенный концепт». И только после этого открывается возможность понять конфликтующие стороны как включенные в данное отношение. Здесь существенна последовательность мысленных действий.

Но она-то как раз означает, что мы, сознательно или бессознательно, подходим к анализу конфликтной ситуации с системной точки зрения. Ведь в качестве системы (это одно из двух стандартных определений) может быть рассмотрен произвольный объект, на котором выполняется какое-то отношение (структура системы), соответствующее заранее предполагаемому, определенному смыслу⁶.

Иначе говоря, онтологический анализ конфликта вынуждает нас обратиться к системному методу. Если это будет сделано осознанно, то откроется ряд преимуществ. Можно, в частности, исследовать конфликт не обязательно с этико-психологических позиций, а именно по системным характеристикам. Тогда различные конфликты, которые могут казаться однотипными, предстанут как те, которые касаются концепта, или (и) структуры, или (и) субстрата системы, или смешанных вариантов. Эти типы конфликтов не равнозначны (по-видимому, наиболее глубоки конфликты концептуального типа) и потому требуют разного «лечения». Кроме того, всякий конфликт может характеризоваться определенным набором свойств — значений системных параметров. На основе существующих общесистемных закономерностей каждый из этих наборов позволяет прогнозировать возможности появления необнаруженных характеристик конфликта⁷.

Диалектик. Ох, боюсь, как бы с помощью перевода острых проблем эпохи глобализма в натуральную плоскость и в предмет системного анализа мы не выплеснули из ванночки ребенка. Научный анализ (системный анализ, полагаю, не составляет исключения) всегда пасовал перед тем, что является диалектическим противоречием. Никто ведь не станет отрицать существования вещей с противоречивыми свойствами. Такими свойствами могут выступать, например, господство и подчинение, справедливость и несправедливость, добродетель и порок, истина и ложь, естественное и искусственное, интересы индивида и интересы общества и т. д. Наша дискуссия показывает, что соотношение позиций Глобалиста и Антиглобалиста носит именно диалектический характер: они в одном отношении исключают, а в другом предполагают друг друга. Глобализм плох своей угрозой нивелирования необходимого разнообразия, а антиглобализм не указывает путей к решению общечеловеческих проблем. Для понимания сложившейся ситуации мы, как я уже говорил, остро нуждаемся в синтезе обеих позиций, а без диалектики здесь никак не обойтись.

Искусствовед. Совершенно верно. Художественное мышление тоже невозможно описать, не ссылаясь на диалектические противоречия. Здесь оно рассматривается не только как *искусство* гибкого и парадоксального, порой даже софистического, а не научного мышления, но и как способ одновременного удержания в поле зрения художника исключаящих друг друга, но сосуществующих в рамках целого, вещей. Можно ли без диалектики представить понятие контрапункта в музыке? Чем здесь может помочь количественный анализ — альфа и омега естественно-научного исследования?

Социолог. Действительно, некоторые авторы высказываются в пользу применения системного подхода в социологии и даже именно в этом усматривают выход из кризиса социологического знания⁸, но все же и в аргументах Диалектика и Искусствоведа есть резон: социологи в основном обращаются к тем теориям систем, которые основаны на использовании математики. Я же совсем не убежден, что именно математика скажет решающее слово в снятии противостояния концепций глобализма и антиглобализма. Теоретическая социология остро нуждается как раз в качественной оценке предметов своего интереса.

Методолог. Предположим, диалектик прав — никак нельзя обойтись без диалектического метода для установления взаимопонимания между Глобалистом и Антиглобалистом. Но пусть он тогда скажет, что же надо *делать* людям с противоречащими взглядами? Вопрос-то в том, существует ли сам этот метод как способ действия. Ведь метод — это доступная рациональному контролю рекомендация последовательно делать определенные шаги, направленные на решение какой-либо задачи, в надежде получить относительно однозначный результат. Отвечает ли этим условиям диалектика, которая обычно обращается к образному мышлению, интуиции, «вслушиванию в язык»?

Системолог. Попытаюсь успокоить и Диалектика, и Искусствоведа. Со всем не обязательно обращаться к тем вариантам системного подхода, которые опираются на традиционную математику с ее анализом количества и величин. Существует, например, параметрическая общая теория систем, которая вполне может быть использована в решении гуманитарных вопросов⁹, в том числе и обсуждаемой проблемы. Если существуют вещи с «противоречащими» сторонами, то ничто не мешает рассмотреть и их в качестве системы, потому что в системном виде могут быть предъявлены *любые* вещи. Единственное, что все же требуется, так это ограничить спекулятивный характер рассуждения, избавиться от суждений типа «противоположности и предполагают, и исключают друг друга в одном и том же смысле и отношении».

В этом случае система — пусть она называется даже «диалектической» — предстанет перед нами как вещь со сложной структурой. «Противоречие» всегда можно разложить на отношение, в котором противоположности как элементы системы взаимно полагают, обуславливают друг друга («единство противоположностей»), и отношение, в котором они несовместимы. Что же касается известного тезиса о «взаимопревращении» противоположностей, то данное свойство означает только то, что из тех же вещей можно образовать другую систему по тому же концепту, но с обменом местами между элементами. Такая система действительно непременно будет подвижной, что, по-видимому, и дает основание говорить о том, что «противоречие есть источник развития».

Гуманист. У меня такое впечатление, что Системолог забыл как раз гегелевский афоризм: кто погонится за всем, тот не получит ничего. Если

любую вещь можно представить в виде системы, то нельзя ли отсюда сделать заключение, что системный метод претендует на то, чтобы быть чуть ли ни единственным средством исследования, в том числе и человеческих проблем?

Системолог. Нет, не претендует. Системный метод бессмысленно применять там, где речь идет о природе вещей, о формировании понятий путем абстрагирования или, скажем, об определении ценностей нашей цивилизации. Но я думаю, что он полезен там, где мы что бы то ни было структурируем. Вообще же для молодых научных дисциплин вроде конфликтологии существует два пути развития знания. С одной стороны, это поиск собственной теоретической базы исследования — через эмпирические обобщения, через выдвижение гипотез и их верификацию/фальсификацию, а с другой — путь «прививки» на собственное древо уже сложившихся теорий, адекватных предмету исследования. Во втором случае генетические особенности и закономерности «привоя» обнаружатся в «подвое».

Когда конфликтолог возьмется за системный метод анализа «диалектических» систем, то, перейдя на язык описания значений системных параметров, он сразу обратит внимание на то, что такие системы *нестационарны*, восстанавливают свою структуру, т. е. *авторегенеративны по отношению*. При этом, несмотря на свою изменчивость, система сохраняет свой концепт: мораль, например, остается моралью, несмотря на постоянные исторические изменения в понимании добра и зла. А если система авторегенеративна по отношению, то, согласно одной из системных закономерностей, она окажется *стабильной*¹⁰.

Диалектик. Если вы перестанете обижать меня навешиванием кавычек к слову «диалектика», то я замечу, что не все диалектические противоречия, и соответственно конфликты, заканчиваются торжеством одной из противоположностей. В «Манифесте коммунистической партии» Маркс и Энгельс утверждали, что классовая борьба, которая мыслилась как наиболее яркое воплощение диалектического противоречия, всегда заканчивается победой одного из борющихся классов либо гибелью обоих. Однако, если следовать марксистскому же учению об общественно-экономических формациях и не отходить от реальной истории, классовая борьба *никогда* не заканчивалась победой одного из классов, а только гибелью системы в целом. Тезис «победы», по-видимому, понадобился для обоснования более поздней идеи о неизбежности диктатуры пролетариата. На самом же деле здесь говорится о разных типах конфликта.

Социолог. Разумеется, не всякая борьба непременно ведется до победного конца — нередко она завершается за столом переговоров, соглашением о мирном сосуществовании и невмешательстве сторон в дела друг друга. Однако, независимо от того, доведена ли борьба до победы или нет, альтернативные системы в своем концепте непременно содержат принцип сохранения более широкой системы, в рамках которой они функционируют как

подсистемы. Даже фашизм не ставил своей целью уничтожение жизни на Земле, а лишь установление новой структуры (*Ordnung*).

Системолог. Для полноты картины заметим все же, что возможны и конфликты третьего рода, когда концепты разных систем вообще не имеют ничего общего — случай так называемого *диспарата*¹¹ концептов. Это несоизмеримые системы. Их также можно включить в рамки одной системы, но лишь именно по концепту несоизмеримости¹². К числу таких систем, по-видимому, относится ситуация борьбы с радикальными формами терроризма, но отношения глобализма и антиглобализма, слава богу, все же не таковы.

Что все это могло бы означать для нашей дискуссии, для противостояния концепций глобализма и антиглобализма? Поскольку диалектическая система (без кавычек!) признана стабильной, не предположить ли, что наша цивилизация должна попытаться *навсегда* сберечь этот конфликт, введя его в культурные рамки, — во имя самосохранения самой цивилизации? Помоему, в данном случае мы имеем дело с вечным конфликтом, как и с вечным противостоянием добра и зла в области морали. В долгосрочной перспективе человечество заинтересовано в том, чтобы этот конфликт сохранялся: система не должна погибнуть ни от возможности всеобщей унификации, ни от невозможности согласования подходов к решению разнообразных глобальных проблем. Отсюда следует и соответствующая стратегия поведения: добиваться не ликвидации одной из концепций, а лишь изменений в их содержании, исключив из них такие средства достижения цели, которые характерны для конфликтов двух других типов.

Историк. А все же не упустили ли мы из виду задачу, поставленную Социологом: как же надо *практически* жить, что именно *делать* людям в условиях данной конфликтной ситуации? Не совершаем ли мы, по словам Пьера Бурдьё, «теоретическую ошибку, когда теоретическое *видение* практики выдают за *практическое отношение* к практике...»? Мы искали теоретическое понимание ситуации в рамках логицизма, а между тем «за практикой следует признать особую, не-логическую логику, дабы не требовать от нее больше логики, чем она способна дать, неизбежно принуждая ее говорить несвязности либо навязывая ей искусственную связность»¹³.

Действительно, что за дело «практическим» антиглобалистам, которые поджигают автомобили и крушат макдоналдсы, до системного анализа конфликтных ситуаций и прекраснодушных пожеланий о придании конфликтам цивилизованной формы? Может быть, социологам — для обоснования их концепций — стоит поинтересоваться деятельностью риторика: ведь ему, более чем другим специалистам по социальной коммуникации, известна противоречивость практики. «Риторика лучше, чем логика или грамматика, подходит для классификации и описания приемов практической деятельности»¹⁴.

Методолог. В самом деле, агрессивное поведение некоторых из тех, кого называют антиглобалистами, не всегда поддается логическому объяснению.

Возможно, молодые люди действуют — в рамках своих габитусов — по образцам поведения, заданным их отцами и дедами, которые не находили других способов быть услышанными. Логика не всемогуща. Масса поступков совершается без логического самоконтроля. Но все же я бы не стал противопоставлять риторику логике, не говоря уже о том, что логика, если она действительно логика, не может быть «нелогической».

Конечно, «можно говорить, что гимнастика — это геометрия, но только не считать самого гимнаста геометром»¹⁵. Однако сколько достижений цивилизации просто не состоялось бы, если бы не было теоретико-геометрического понимания вещей! Правда состоит в том, что любая наука строит лишь *упрощенные* модели реальности, и всегда остается зазор между теоретическим и практическим отношением к миру. Но множество практических задач становится доступным решению «в общем виде», когда эти задачи поняты теоретически. Может быть, ритор и найдет практически хорошее решение в споре между Глобалистом и Антиглобалистом, но для этого он должен *понимать* суть проблемы. Однако смысл любых методологических предложений ратора может обсуждаться дальше, разговор, по-видимому, не окончен.

Обэриут. Но кто из вас не прав,
кто виноват во всей создавшейся никчемной
сложности,
судить об этом не имею никакой
возможности,
при следующем свидании вы сами выйдете из тупика.
Ну, до свидание, пока¹⁶.

¹ См.: Федотова В. Г. Хорошее общество. М., 2005. С. 488–489.

² См.: Лефевр В. А. Конфликтующие структуры. М., 1973.

³ Бахтин М. М. К философии поступка // Философия и социология науки и техники: Ежегодник. 1984–1985. М., 1986. С. 155.

⁴ См.: Бохеньский Ю. Сто суеверий. М., 1993. С. 49–51.

⁵ Ишмуратов А. Т. Конфлікт і згода: Основи когнітивної теорії конфліктів. Київ, 1996. С. 144.

⁶ См.: Уемов А. И. Системный подход и общая теория систем. М., 1978. С. 120.

⁷ См.: Уемов А. И., Савусин Н. П. Теоретико-системный подход к построению классификации конфликтов // Теория, методология и практика научного и технического творчества. Одесса, 1993. С. 125–128.

⁸ См.: Давыдов А. А. Системная социология — социология XXI века? // Социс. 2006. № 6. С. 20–25.

⁹ См.: Уемов А., Сараева И., Цофнас А. Общая теория систем для гуманитариев. Варшава, 2001. С. 37.

¹⁰ См.: Там же. С. 63, 128.

¹¹ См.: Там же. С. 113–114.

¹² См.: Цофнас А. Ю. Теория систем и теория познания. Одесса, 1999. С. 251–260.

¹³ Бурдые П. Практический смысл. СПб., 2001. С. 71, 78.

¹⁴ Никитин С. А. Логика практики и риторика действия // Изв. Урал. гос. ун-та. Сер. 3. Общественные науки. Вып. 1. Екатеринбург, 2006. С. 54.

¹⁵ Бурдые П. Там же. С. 88.

¹⁶ Орфография Д. Хармса.

Рукопись поступила в редакцию 21 мая 2007 г.

А. С. Каширина

РОЛЬ ПОСЕЛЕНЧЕСКОГО ФАКТОРА В ФОРМИРОВАНИИ ОРИЕНТАЦИЙ НА ПРОФЕССИОНАЛЬНУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ УЧАЩЕЙСЯ МОЛОДЕЖИ

Рассматривается роль поселенческого фактора или места проживания в формировании ориентаций на профессиональную деятельность учащейся молодежи. Анализируются особенности выбора учебного заведения и специальности, а также проблемы качества обучения. Выявляются основные проблемы трудоустройства, с которыми сталкиваются студенты малых, средних и больших городов.

Изучение профессиональных ориентаций можно отнести к разряду всегда актуальных и насущных тем в социологии, так как в том или ином контексте вопросы обоснованного выбора индивидом профессии всегда будут требовать внимания со стороны общества.

Выбор профессиональной деятельности определяется влиянием двух групп факторов — объективных и субъективных. Среди субъективных факторов, влияющих на профессиональные ориентации, можно выделить способности, склонности и интересы индивида; информированность о профессии; уровень притязаний и потребностей; содержание трудовых ценностей. К объективным факторам относятся общественные потребности в определенном распределении и планировании трудовых ресурсов; влияние друзей, семьи, органов воспитания и образования, средств массовой информации; поселенческий фактор.

По нашему мнению, одним из наиболее значимых факторов, определяющих различие в профессиональных ориентациях различных групп молодежи, является место проживания индивида.

Современная Россия является государством, разделенным на центр и регионы, столицу и провинцию. Ранее такое деление подразумевало лишь территориальную характеристику, но позже появилась духовная составляющая этого понятия¹. Существует многоструктурное деление территории по степени отдаленности от центра, развития отдельных областей, что делает неопределенным содержание категории «провинция». Но само существо-